

Офисное здание УПДК.
Курсовой переулок, 4
Архитекторы: Александр Скокан, Дмитрий Гусев,
Кирилл Гладкий, Иван Воронежский
(Бюро «ОСТОЖЕНКА»)

Александр Скокан считается лучшим московским архитектором. Он много и хорошо строит, побеждает на всех возможных смотрах, имеет Государственную премию, а построенный им банк на Пречистинской набережной был признан лучшим московским зданием за последние десять лет. Слава эта немножко отдаёт «первым парнем на деревне». Потому как на фоне передовой мировой архитектуры его постройки чересчур просты, спокойны, может быть, даже скучны. Ну нет в них ничего такого, что заставляло бы стоять обалдевшим, как перед музеем Гуггенхайма в Бильбао или Еврейским музеем в Берлине. Архитектура в отличие от многих других искусств имеет не одно лишь измерение новизны - когда хорошо лишь самое свежее и ни на что не похожее. Она - производное не только от времени, но и от места. Вышеупомянутые шедевры Фрэнка Гери или Даниэля Либескинда могли бы быть построены в любом другом месте (тут даже и сослагательное наклонение неуместно, ибо музей, очень похожий на тот, что в Бильбао, Гери начинает строить в Нью-Йорке, а Либескинд, прежде чем строить в Берлине, создал нечто подобное в Оснабрюке). Архитектура - это не только искусство, но и культура. А культура - это память, любовь к отеческим гробам, дыму отечества и другим бабушкиным побрякушкам. Тем более когда речь идет об историческом центре.

Но хороший принцип контекстуализма был скомпрометирован сначала самим постмодернизмом, который возвел его в догму и превратил архитектуру в сплошную декорацию, а затем и его отечественным отпрыском-отморозком - «московским стилем», который не знал удержу в ляпаньи башенок, мотивируя это необходимостью «вписаться». Начавшись на волне искреннего негодования по поводу небрежения старой Москвой, «средовой подход» превратился в массовую истерику и официальную политику. Однако между обычными «средовиками» и Скоканом есть большая разница. Все озабочены тем, чтоб не шароухать в небеса железобетоном, не вылезать за красные линии, не превышать этажность, не закрывать перспективу. Но мало кто умеет из суммы этих ограничений получить новое качество. Все пишут диктант, но только у Скокана он превращается в сочинение.

В принципе дом в Курсовом переулке тоже можно прочесть как производную от суммы обстоятельств. Все вокруг малоэтажное - и он маленький. Чтобы не закрывать вид на церковь Ильи Обыденного, верхний этаж сдвинут вглубь да еще изогнут. Получившаяся дуга как бы меняет направление переулка, апеллируя к традиции - когда трассы ориентировались на доминанты колоколен. Цвет здания мотивирован тем, что другой угол квартала прикрывает краснокирпичный дом Перцовой. Лицевой кирпичик блестит на солнце, как у особняков модерна - и тоже неспроста. Остоженские переулки - это главный заповедник ар нуво, а Управление по делам дипломатического корпуса отвечает за быт иностранных посольств, половина которых занимает как раз особняки модерна. Но у них никогда не было такой жесткой сетки окон, а тут есть, потому что - учреждение.

А вот почему красный куб чуть повернут по отношению к линии переулка, ничем вроде бы не объяснишь. Причина «невидимая»: когда-то на этом месте стоял дом, который старожилы помнят как «Сережкину крепость», - и он был развернут именно так. Кому все это надо? Вроде бы никому - а получается красиво. Собственно, вся концепция застройки остоженских переулков, разработанная бюро «Остоженка» еще десять лет назад, ориентирована на то, что складывалось веками - на парцеллы (иначе говоря - границы владений). Хозяин стремился выжать из участка максимум, отрывался и распоясывался -

но так, чтобы его свобода не ограничивала свободу соседа. Отсюда и возникла умиляющая нас сегодня живописность московских переулков. Краеведение - это ведь не только память, это - дословно - знание того края, за который не стоит вылезать, но который при случае можно и заострить. И если два переулка сходятся под острым углом, то можно это подчеркнуть, как и сделал Скокан, далеко вынеся козырек крыши.

Инстинкт такого трогательного хранения бесполезных и бессмысленных с виду вещей - наверное, и есть инстинкт культуры. Которая тоже, в общем-то, бесполезна и неактуальна.

Иван Езерский

